

«Пушки говорили, но музы не молчали»
(Д.Д.Шостакович «Симфония №7 «Ленинградская»)

Дневник седьмой симфонии

Такое чувство брезжило в душе,
Как будто в самом воздухе Седьмая
Жила неслышно до него уже,
А он лишь ловит звуки, ей внимая.

Л.Болеславский

22 июня 1941 (Ленинград)

Я, симфония, летала между музыкантами в консерватории, заглядывала каждому в душу, слушая биение сердца, внутреннюю мелодию. Кто меня слышит? И вдруг я ощутила что-то близкое и родное. Вот та самая чуткая душа, которая может творить! Больше ни капли не раздумывая, я сделала свой выбор: Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

И вот уже первые ноты побежали по листку, выстраиваясь в стройные ряды. Маэстро сосредоточен, его душа наполняется тёплым огнём, и мелодия звучит.

Какая красота и гармония в предрассветной тишине! Первые звуки льются чисто и радостно, рассказывая о счастливой жизни без войны. Сколько простора и... тишины, что только удивляешься этому раздолью и спокойствию! Звучит простая и мудрая мелодия Мира. Хочется жить и дышать, слушая ее...

Шум, незнакомые голоса, зовущие Дмитрия Дмитриевича, которому сейчас нужно куда-то идти. Уходит...

Что происходит? Почему так расстроен композитор? Что так давит его и тревожит?

Маэстро вернулся другим, но бросился сочинять. Мелодия мира продолжает звучать тише. Внезапно образ начинает меняться. Что это за тихое сухое потрескивание, будто сбивают молодую зелёную листву? Слышится мелкая дробь барабана – шёпот барабана. Это первые, пока еще далёкие выстрелы, но они всё неотступнее, все назойливее. Предчувствие... Срывающийся шёпот, переходящий в немой крик... и тихий печальный голос. Трудно дышать. Глоток воздуха... Сухая дробь барабана громче. Война! Нежданная. Жестокая...

Дмитрий Дмитриевич – потрясающий и очень чуткий композитор.

Молчать, нельзя! Или только будет слышен голос пушек...

16 сентября 1941 (Ленинград)

Сколько силы и мужества в Дмитрие Дмитриевиче! Я правильно выбрала автора. Его работоспособность поражает... Уже созданы две больших части симфонии, которые живут и показывают силу веры.

Гремят барабаны. Уже совсем близко раздаются короткие и монотонные очереди выстрелов. Становится тревожно и страшно от приближающейся лавины. Шквал бушующего огня. Трудно дышать, никуда не деться... Это враг наступает на Ленинград, грозя гибелью. Лавина все ближе и ближе. Слышны трубные звуки предвестников смерти. Трубы свищут, рычат. Гибель? Нет, этого не может быть! Мы – не боимся, не отступим, не сдадимся в плен. Мы будем жить и бороться! Неистово бушует музыка ... В ней пламя пожаров и сердец, застывшая боль и слезы потерь. Этот тяжёлый детский остановивший взгляд... Но лучик надежды теплится.

Величественный и печальный рассказ о городе, который никому и никогда не сдавался! Ленинград, это твои сентябрьские муки! Неудержимо бьется сердце, переполненное тревогой. В яростном потоке, полном гнева и вызова, несется навстречу смертельному бою душа. Вот она яростная схватка за жизнь...

5 марта 1942 (Куйбышев)

Над миром катилась гроза.
Ещё никогда на концерте
Так близко не чувствовал зал
Присутствия жизни и смерти.

М. Матусовский

Я ожила и приобрела законченную форму в другом городе. Куйбышев, ты помнишь, ты, конечно же, запомнишь этот день, когда я впервые была исполнена?!

Дмитрий Дмитриевич дописывает начатое в Ленинграде произведение, говоря, что не знает, «как охарактеризовать эту музыку», и отмечает, что «в ней слёзы матери или даже чувство, когда скорбь так велика, что слёз уже не остается». Так я стала законченной симфонией номер семь.

Музыканты оркестра волнуются, лишь Мастер, кажется, спокоен. Но я-то точно знаю, сколько сил ушло. Вот приоткрывается завеса моей с ним тайны, и я слышу... биение сердца творца, ощущаю его боль.

Я захватила зал, он в едином порыве со мной, я звучу...

Мелодия страдающего города. От грома и рёва вокруг уже совсем нечем дышать... Внезапно всё обрывается. Это война переходит в величественный реквием обо всех погибших и не вернувшихся домой. Изливает свои страдания одинокий голос скорби... И поёт один. Один в наступившей тревожной тишине...

Заключительные аккорды, и звенящая тишина...

Слушатели в потрясении. И вдруг обрушился шквал аплодисментов... Теперь живу в сердцах многих людей.

Как же восприняли меня первые слушатели в зале Куйбышевского Дворца культуры?

Я заприметила интересного слушателя, чьи эмоции переполняли его душу. Это потрясённый Алексей Толстой, отметивший суть мелодии: «Скрипки запевают о безудержной жизни счастливого человека». Он понял мое предназначение: торжество человеческого в человеке.

Присутствовавший на мой премьере известный киносценарист Алексей Каплер был настолько поражён услышанным, что не сразу охарактеризовал состояние слушателей, сказав: «Слова «овация», «успех» ни в какой мере не передают того, что было в зале. У многих на глазах стояли слёзы».

Так стремительно вошла я, Седьмая симфония Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, в жизнь запасной столицы города Куйбышев и стала не только памятью о тяжёлых военных годах, но и символом мужества несдавшегося народа.

9 августа 1942 года (Ленинград)

Будем жить, мать Россия!
Сергей Маврин

Блокадный город нашел в себе силы жить.

Я даже не могла представить себе, как эти измождённые люди из симфонического оркестра могут играть! Даже передвигаться музыкантам было сложно, ведь, шатаясь, зашли они в зал! Но то, как они исполняли симфонию... Только дирижёрская палочка Карла Элиасберга поднялась, сразу всё преобразилось. На сцене началось настоящее волшебство... Казалось, что многие на время забыли о войне... Но они её слушали!

И вот они – восемьдесят минут, посвящённые Дмитрием Дмитриевичем любимому городу, не сдавшемуся врагу. Над мраком раненого города, над безмолвием опустошённых домов и квартир раздаётся величественная музыка. Казалось бы, умирающий город, но он показал всему «ошарашенному» миру живительную силу искусства...

Меня слышали не только в зале. Я лилась из всех репродукторов, меня передавали по радио. Даже враг осознал в этот день силу и мощь советского народа. Сегодня меня называли симфонией мужества, а моим символом стала прозрачная слеза.

Две симфонии прозвучали в этот день одновременно: я - музыкальная и еще одна – артиллерийская. Я благодарна «огненной симфонии», позволившей симфоническому оркестру исполнить меня целиком и без перерыва на воздушную тревогу.

Вот оно торжество искусства и духа, мысли и «человеческого в человеке»! Наша Муза не молчала, когда говорили пушки.